

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ В
ПРОЗЕ В.
ЖУКОВСКОГО

Петр Андреевич Вяземский

Сочинения в прозе

В. Жуковского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24511623

Аннотация

«Прозаические статьи, в сей книге собранные, уже все известны читателям нашим; но перепечатание их было необходимо для имеющих в своей библиотеке три тома стихотворений Жуковского, изданные в 1824 году, коим сей новый том служит дополнением. Притом же у нас так мало появлений в прозе, разумеется хорошей, что нельзя не порадоваться случаю возобновить и старое знакомство...»

Сочинения в прозе В. Жуковского Петр Вяземский

Прозаические статьи, в сей книге собранные, уже все известны читателям нашим; но перепечатание их было необходимо для имеющих в своей библиотеке три тома стихотворений Жуковского, изданные в 1824 году, коим сей новый том служит дополнением. Притом же у нас так мало появлений в прозе, разумеется хорошей, что нельзя не порадоваться случаю возобновить и старое знакомство. Ни от него нового ничего не узнаете, но и то, что вы уже знаете, принимаете с удовольствием. Жуковский немного писал прозою оригинальною, но успел, однако же, усовершенствовать свой язык в прозе и, что всего важнее, иметь слог, чего не имеет большая часть из писателей наших и что дается не всякому, не смотря на многие тома, им исписанные. Один из журнальных рецензентов сказал: «Отличительная черта всех произведений В. А. Жуковского (к чему тут В. А.? Кажется, Жуковский заслужил уже право на сокращенное наименование), есть необыкновенная гармония слога. Сие пленительное сладкозвучие, которым читатели восхищаются в его питических произведениях, отличает также и прозу сего писателя, имеющего, кроме того, весьма редкие у нас досто-

инства: правильность и чистоту языка». Вот забавная характеристика! Подумаешь, что рецензент подслушал ее у тех светских, вольноопределяющихся судей словесности, которые и о Державине, и о Батюшкове, и о Душеньке и о мадригале в альбом говорят равно с выразительной важностью. «Да, я вам доложу: перо щегольское, пишет гладенько; нечего сказать, стишки гладенькие?» И Херасков наказывал всегда молодым адептам поэзии, приходившим в нему на поклон: «Чистите, чистите, чистите ваши стихи!» и свои так вычищал, что стирал с них весь блеск, всю живость и краску поэзии. Критику должно быть, кажется, повзыскательнее; некстати ему применять наобум к писателям, первенствующим в литературе, фразы готовые и ходячие, которые, как условные вежливости разговорные, могут быть подносимы безразлично каждому лицу. Что значит гармония слога, если принимать сие слово, как оно, по-видимому, тут и принято, в смысле сладкозвучия? Может быть язык гармонический, но слог гармонический представляет понятие неверное и неопределенное. Далее: «Проза сего писателя, кроме гармонии слога, имеет еще редкие достоинства: правильность и чистоту языка.» Может ли быть гармония без правильности и чистоты языка? Может ли быть правильность без чистоты и чистота без правильности? Вот что не грех назвать: слова из пустого в порожнее переливаемые. В них не звенит ни единой мысли. Чтобы увериться еще более, что все суждение о Жуковском вылилось с пера без всякого головолом-

ного содействия, выпишем еще несколько слов: «Каждая из них (статей помещенных в сем томе) может быть представлена в образец слога, благородных чувствований и основательного образа мыслей, и служить отпечатком сердца чувствительного и пламенного воображения»¹. Любопытно бы знать, где рецензент отыскал образец пламенного воображения в статьях критических о Крылове и Кантемире?

Содержание сего тома заключается в следующих сочинениях: *Марына Роца; О критике; о Басне и Баснях Крылова; о Сатире и Сатирах Кантемира; Три сестры; Это истинно добрый и счастливый человек? Писатель в обществе; Путешествие по Саксонской Швейцарии; Рафаэлева Мадонна.*

Заметим мимоходом, что на заглавном листке классификация оглавлений не отвечает порядку, в котором напечатаны самые пьесы. Там выставлено: Повести, рассуждения, Разборы сочинений, Письма из путешествия. Повести (если принять за повесть аллегорию *Три сестры*) не следует одна за другою. Разборы сочинений напечатаны прежде рассуждений: *Это истинно добрый и счастливый человек* и *Писатель в обществе*. Издатель мог бы отойти от порядка существенного для сохранения порядка хронологического, но и тот не соблюден; сочинения, писанные в 1809 году, зна-

---

¹ Сии слова выписаны в объявлении книгопродавца о книге, с забавными переменами: тут, например, говорится об основательном образе мыслей, а книгопродавец говорить об образце основательного воображения. И не смешно ли книгопродавцу, объявляя о сочинениях Жуковского, представить его читателям по рекомендации журналиста? Кажется, Жуковского и без этого знают.

чатся прежде сочинений 1808 года. После сего маловажного отступления от дела, в уважение критики типографической, поспешим приступить к приятнейшему и существеннейшему, занявшись не изданием, а самою книгою.

Повесть *Марьяна Роца* принадлежит к малому числу у нас образцов в романическо-повествовательном роде. Главное содержание её довольно голо, но подробности прелестны; может быть есть излишество подробностей, расточительность в описаниях, одним словом, роскошь в украшениях, которая слишком ярко противоречит умеренности в вымысле. В слоге её отзывается молодость, но молодость многообещающая: заметно преимущественно невоздержность на прилагательные, которая есть обыкновенная погрешность и молодых писателей и молодых словесностей. Признаюсь, я не враг прилагательных: почитаю их одним из способов выражения мысли, нам оставленных предшественниками нашими. Все существительные уже высказаны; нам остается заново оттенить их прилагательными. Прилагательное новое и кстати есть новая оправа старого существительного; она может свидетельствовать об искусстве мастера. Но тем более должно быть осторожным и вместе с тем изобретательным в этом мастерстве. Перечитывая сию повесть и пораженный иногда несообразною расточительностью прилагательных, сделал я еще другое замечание. Излишество их тем у нас чувствительнее, что, по какому-то заведенному и вероятно машинальному порядку, мы ставим почти всегда при-

лагательное пред существительным. Мне кажется, что сия повадка, не основанная ни на единственном течении мысли, ни на духе языка нашего, придает утомительное однообразие слогу и какую-то медленность в его движении. В *Истории Государства Российского*, в сей сокровищнице и святилище языка нашего, можно найти многие примеры счастливому разнообразию в перестановке прилагательных. В Карамзине, а особенно в историческом творении его, сие передвижение слов делалось, так сказать, само собою, вследствие один раз навсегда обдуманного навыка. Молодым авторам подобает следить за собою, подмечать себя. *Письмо о критике* исполнено здравых размышлений и может служить нравоучительным и литературным наставлением всех, готовящимся на её поприще. Наш автор ни о чем не говорит сухо и холодно; теплота сердца, ясная чистота прекрасной нравственности одушевляют его слог. Жаль, что не находим в сем томе и другого письма литературного, открывшего новую эпоху *Вестника Европы*, перешедшего в руки Жуковского, который с успехом поддержал достоинство журнала, обязанного оправдывать свое происхождение Европейское и по имени своему, и по тому, что он получил бытие от первого писателя нашего. Упоминаем о *Письме из уезда к писателю*, напечатанном в № 1-м *Вестника Европы* на 1808 год. Действующее лице в нем, Стародум, говорит много прекрасного с жаром и умом: может быть, как предшественник его Стародум Фон-Визина, говорят иногда слишком плодовито и заговаривается по сто-

ронам от своего предмета, но это беда не большая. Были бы мысли, а времени у нас довольно на слушание: нечего дорожиться им и благо что есть кого и что послушать. Статья *О Басне, и Баснях Крылова* (напечатанных в 1808 г.) принадлежит также у нас к малому числу критик основательных, поучительных и для писателей и для читателей. Дельная критика не столько толкует о словах, сколько о деле. В дополнение к сказанному выше, что у многих из наших прозаических писателей нет слога, можно прибавить, что у многих наших критиков нет мнения. Обыкновенно, все дело кончается эволюциею слов. И как математик по выслушании сонаты спрашивал: что-же это доказывает? так и читателю иной рецензии можно спросить: что-же критик хотел доказать? Чтобы не оставаться при одних похвалах беспрекословных, замечу, что в статьях: *О критике и О Баснях Крылова* обнаруживается слишком безусловная покорность правилам литературы Французской и слишком отзывается Французская школа. Хорошо Французам ставит Лафонтена в пример всем последователям его, но к чему же и со стороны выводить его образцом и прототипом всем баснописцам и требовать, например, чтобы они имели все характер Лафонтена и были простодушны, потому что он от современников своих получил наименование простодушного? Главное преимущество Лафонтена над многими совместниками и последователями, по крайней мере ближайшее к понятию иностранцев и общее, а не местное, заключается в том, что он был великий

поэт и всю поэзию свою перенес в басню. У самых Французов Ламот, Флориан, Бальи, Арно и еще некоторые, может быть, в вымысле и не уступят Лафонтену, но они гораздо ниже его на степени поэтического дарования и потому не могут идти с ним в сравнение.

Разбором сатир Кантемира наш автор заплатил прекрасную дань благодарности и уважения писателю, который не пользуется у нас ни славою, ни известностью, на которые имеет права блистательные. Что у нас за такие музыкальные уши, что мы оставляем в забвении ясные, смелые, глубокие мысли, благородные чувствования, мнения истинно просвещенные, за тем только, что они предлагаются нам в размере силлабическом? В сатире Кантемира виден не только остроумный философ, знающий человеческое сердце и свет, но вместе и стихотворец искусный, умеющий владеть языком своим, и живописец, верно изображающий для нашего воображения те предметы, которые его поражали. Сей приговор, определенный Жуковским, совершенно справедлив и будет подтвержден всеми беспристрастными и сведущими читателями Кантемира. Скажем откровенно: много ли у нас писателей, заслуживающих такую похвалу? Ум, душа, житейские правила Кантемира ясно и резко отражаются в его сатирах; он мыслит и заставляет мыслить. Думая о славе его и о пользе нашей, влиянием, которое он имел бы на мнение общественное, должно жалеть, что он родился не нашим современником; но с другой стороны представляется недоумение

мог ли бы он ныне, при многих переменах в нашем положении и во нравах наших, при нынешней осторожности, опасности языка авторского, давать свободное течение перу? Не был ли бы ум его стеснен литературными и разнородными преградами и мог ли бы он изображать себя в стихах, как в зеркале, не отуманенном чуждым влиянием и не полужавешенном из уважения во многим приличиям светским? Кантемир жил для себя, если не для славы своей, в счастливое время. Он посвящал свои сатиры Феофану, а сам воспеваем был им и другим духовным сановником и побуждаем ими в продолжении занятий благородных. Он мог, пользуясь откровенностью, сродною старине и чуждою эпохам утонченности, смело и без обиняков схватываться со всеми пороками, со всеми дурачествами и предрассудками, господствовавшими в обществе: он мог, одушевленный мощным негодованием, побороть их силою истины и рассудка. Конечно жаль, что он не родился, по крайней мере, во время Сумарокова, а еще более, что, одаренный умом открытым и дарованием стихотворным отличным, не имел он силы, или воли исполинской Ломоносова, круто поворотившего наш стихотворный язык на стезю, по которой он и ныне еще следует, покорный данному движению. Поучительное и прекрасное зрелище открылось бы уму, если б тою же рукою изгонялись погрешности из языка и предрассудки из общества. Ломоносов в ряде сочинений, им избранном, мог действовать только в чисто литературном, а не гражданском смысле.

Кантемир действовал бы равно в том и другом. Какие благодетельные последствия повлеклись бы за началом литературы нашей, если б первым классическим сочинением были сатиры, а не оды! В статье Жуковского, может быть, должно заметить, что вступление её слишком обширно, что частные обозрения свойств Кантемира слишком кратки и редки, а выписки из него слишком пространны; но в сем последнем отношении погрешность, если погрешностью можно ее назвать, заслуживает благодарность. Стихи Кантемира так мало похожи на все то, что у нас ныне печатается, образ мыслей его, дух так ярко отделяются от современного характера литературы нашей, что эти выписки в книге, напечатанной в 1826 году, совершенная нечаянность и находка, тем более, что не только читатели Кантемира редки, но и самые стихотворения его сделались редкостью в книжном обращении.

Кантемир так и смотрит в сатирах своих учеником и воспитанником Петровской школы. В нем отзываются и смелость и горячность нашего великого преобразователя. Пускай по крайней мере из этих выписок узнают многие, что у нас писалось в старину и что ныне пишется: и поубавится спесь высокомерных современников, которые не нарадуются успехами своими на поприще ума и образованности! Желательно, чтобы Академия или другое ученое общество предприняло новое издание Кантемира, который опередил свой век и, если не по языку, то по всем другим отношениям, может вполне удовлетворить потребностям читателей совре-

менных. В разборе Жуковского, между прочим, заслуживает особенную похвалу прекрасная, мастерская характеристика Ювенала, написанная с необыкновенною силою и живостью.

Три сестры, или видение Минваны – свежая, нравоучительная аллегория, в которой, под покровом прозрачным и красивым, рисуется жизнь человеческая, в трех своих явлениях: ныне, вчера и завтра.

Нравственно-философическое разрешение вопроса: Это истинно-добрый и счастливый человек? написано слогом прекрасных, и в этом случае нельзя не вспомнить определения Бюффона: *le style c'est l'homme*. Весь человек виден в этом рассуждении: оно писано под вдохновением сердца. Но, соглашаясь с автором, что для совершенного нравственного бытия человека в обществе гражданском должно быть семьянином, можно однако же спросить: не слишком ли увлекается он своим определением и не обижают ли холостых, которые, по склонности или по обстоятельствам, остаются холостыми, когда он отказывает им в возможности быть истинно-добрыми (не говоря уже счастливыми, потому что не почитаю счастье принадлежностью состояния или звания, а более способностью частною, даруемою Провидением немногим избранным)? Кажется, автор несправедлив, когда говорит, что он не решится назвать добрым и судию справедливого, коего все приговоры сходны с приговорами закона и совести: напрасно! Такой исполнитель обязанности возвышенной не есть, как тут сказано, актер, старающийся блес-

нать искусством на театре света. Нет! он решительно нравственное лицо, заслуживающее наименование истинно-доброе, и горе обществу, коему он служит, если не дарует оно ему способов быть истинно-счастливым, ибо для подобного судии беспрепятственное исполнение обязанностей должно быть счастьем, то есть высоким, изящным удовольствием души. Не спорю с автором, когда он не подводит под определение свое смелого, благоразумного полководца; охотно уступаю и все прочие лица, действующие на поприще света, но вопреки ему отстаиваю судию и уверен, что и холостой судия, если он только имеет способности, желание и волю быть полезным в круге деятельности своей, может смело откликнуться на вопрос: кто истинно добрый и счастливый человек? Поспорив с автором только об одном исключении из правила, спешу сказать, что во всех других отношениях обозрел он предмет свой совершенно нравственным и философическим образом. Картина обязанностей, радостей семейных начертана им превосходно; на живых, верных красках её отсвечивается ум ясный и сердце чистое. Во всяком случае, она разрешить должна в пользу автора заданный им вопрос: всякий скажет, что тот, кто так мыслит, чувствует и изъясняется, должен быть истинно-добрым и достоин быть истинно-счастливым.

Писатель в обществе выведен здесь во всех своих видах, со всеми выгодами и невыгодами положения своего, преимуществами и недостатками в совместничестве с светскими со-

членами. Впрочем автор должен был довольствоваться в своем начертании одними общими соображениями, не применяя их к положению Русского писателя, в Русском обществе. У нас в оном нет ему места. По светскому уложению вашего общества, авторство не есть звание, коего представительство имеет свои права, свой голос и законный удел на съезде чинов большего света. Писатель в России, когда он не с пером в руках, не в книге своей, есть существо отвлеченное, метафизическое: если он хочет быть существом положительным, то имей он еще в запасе постороннее звание, и сия эпизодическая роль затмит и перевесит главную. Исключения из сего правила редки и всегда случайны и временны. Можно пробить автором в обществе на полчаса, подобно певцу или пианисту, которые обращают внимание на себя только, пока их искусство в действии. Роль, которую играли во Франции писатели, так называемые *gens de lettres*, в особенности же в царствования Людовика XV и Людовика XVI до начала революции, так далека от наших нравов и господствующих у вас понятий, что мы худо постигаем всемогущее влияние, которое они имели не только на общую образованность народа, но и на частные мнения и привычки общества. Парижское общество было тогда республикою, управляемую олигархией нового рода, составленную из умных людей и литераторов. Отрывки из путешествий в 1821 и 1824 годах – образец прозы описательной. Можно смело сказать о Жуковском, что он равно великий живописец и в стихах и в прозе.

Сии отрывки заставляют жалеть, что их мало и желать, чтобы путешественник издал в свет все свои путевые заметки. Приятно смотреть на природу живописную глазами умеющего ценить её красоты, но еще приятнее и полезнее смотреть с наблюдателем на общества, вникать в нравы, сводить через него знакомства с знаменитыми современниками; и Жуковский в кабинете Гёте еще для меня любопытнее, чем у Рейнского водопада или на высотах Сен-Готарда. Отрывок из письма о *Дрезденской галерее*, в котором Жуковский дает отчет в чувствах своих при созерцании *Рафаэлевой Мадонны*, исполнен красоты необычайной. Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии. О нем можно сказать то, что Жуковский сказал о самой Мадонне. Это не картина, а видение. Нет сомнения, что сей список, хотя не буквальный, передает творение Рафаэля вернее эстампа Миллерова. Жуковский постиг чувством душу Рафаэля и посвящает нас в её таинства.